

Д а н и е л а Р и ц ц и

ПУТЕШЕСТВИЕ НАДЕЖДЫ ШАХОВСКОЙ

В начале 2000-х годов я заинтересовалась судьбой одной чрезвычайно интересной персоны — речь об Ольге Ресневич-Синьорелли (1883–1973), враче, журналистке и писательнице. Человек русской культуры, она родилась в Латвии, училась в Швейцарии, а затем для завершения медицинского образования перебралась в Италию, где и прошла большая часть ее долгой жизни. Союз Ольги с известным итальянским врачом Анджело Синьорелли был счастливым, их дом в Риме в период между двумя войнами стал одним из самых оживленных и утонченных центров художественной и культурной жизни столицы, где встречались итальянские и иностранные художники, литераторы, музыканты и артисты.

Ольга Синьорелли оставила огромный эпистолярный архив, изучением которого мы занимались на протяжении нескольких лет вместе с коллегами, итальянскими славистами. Одним из итогов этой работы стал выпуск моей книги об Ольге Синьорелли, касающейся ее судьбы и ее окружения.

Имя княжны Надежды Шаховской (1847–1922) неоднократно всплывало в архиве Ресневич-Синьорелли в различных обстоятельствах, и я решила побольше узнать об этой полузабытой фигуре «русской колонии» в Риме второй половины XIX — начала XX века. Надежда Шаховская (или как ее обычно называли в Италии Надин Хельбиг) была тем человеком, который ввел семью Синьорелли в космополитические круги Рима, она дала возможность Ольге на деле применить ее медицинские познания, поручив ей руководство амбулаторией для детей бедняков на виа Морозини, которую Шаховская организовала в густонаселенном и бедном районе Трастевере.

Просматривая книгу о вилле Ланте, где жила Надежда Шаховская с мужем, я увидела упоминание о том, что в библиотеке на этой вилле (которая теперь стала местом финского дипломатического представительства при Святом Престоле) находятся мемуары прежней владелицы. Я прочла этот неопубликованный текст (в библиотеке

я нашла ксерокопию, а оригинал хранится в частном архиве потомков Шаховской в Риме) и обнаружила, что на самом деле мемуары Надежды Шаховской содержат одну-единственную фразу, которую можно безошибочно отнести к жанру «русско-итальянских путевых заметок». Фраза такая: «Я не буду описывать прекрасную страну, Ломбардию, Тоскану». Вот и всё — плюс несколько указаний общего характера на различные произведения итальянского искусства.

И все же я решила погрузиться в эту тему, узнать как можно больше о Надежде Шаховской, потому что сама ее жизнь напоминает путешествие, причем не столько по Италии в географическом смысле (что состоит из пейзажей, площадей и дворцов), сколько по римскому обществу в период с провозглашения объединения Италии в 1861 г. и до Первой мировой войны. Это мне показалось не менее интересным, чем традиционные «впечатления от Италии», каковых я в мемуарах, собственно, и не нашла.

Начну с нескольких предварительных сведений, так как моя героиня не очень известна в России (да и в Италии почти совсем забыта). И все же ее личность и деятельность позволяют видеть в ней своего рода Зинаиду Волконскую второй половины XIX века, только не особенно оставшуюся в памяти — возможно потому, что она прожила почти всю жизнь за рубежом, не поддерживая особых связей с русскими литературными кругами.

Сведения о жизни Надежды Шаховской я черпала, в первую очередь, из той самой неопубликованной рукописи (420 рукописных страниц по-французски) — она без даты, но, вероятно, написана незадолго до смерти. В объемной первой части текста реконструируется история семьи, она рассказывает о детстве, получении образования и обрывает свою историю на свадьбе; повествование, тем не менее, не всегда соблюдает строго хронологическую последовательность и изобилует проlepsисами. Кроме того, я прочитала ряд автобиографических отрывков, написанных по-английски (автор с детства владела несколькими европейскими языками) и изданных в Англии в 1914 г. под названием «Зарисовки из Трастевере» — по названию квартала, где Шаховская провела многие годы. Также мне удалось ознакомиться и с двумя изданиями, которые являются библиографической редкостью и ни разу не переиздавались — это мемуары ее дочери Элизабет Хельбиг Морани «Юность в лучах за-

ката. Римские воспоминания» (они были написаны в 20-е годы по-итальянски, но изданы по-немецки в 1953 г. и, по всей вероятности, основаны на рассказах матери и ее не сохранившихся автобиографических записках), а также переписка Шаховской с Францем Листом.

Надежда Шаховская (которую всю жизнь называли Надин) происходила из княжеской семьи, породненной с императорским домом. Родилась она в Москве, ребенком прожила два года в Париже с матерью (княгиней Натальей Святополк-Четвертинской), которую там принимали с большим почетом: «Наполеон III, тогдашний президент Республики, был у ее ног», — пишет Шаховская в неизданных мемуарах. В 1860 г. Надин отвозят в Дрезден для обучения. Она занимается фортепиано, гармонией и контрапунктом с пианистом и композитором Адольфом Рейхелем, а живописью с художником Гансом Юлиусом Грюдером (оба были довольно известны). Она вращается в культурной среде города, часто наезжает в Париж; знакомится с Кларой Шуман (женой композитора Роберта Шумана, одной из самых значительных пианисток эпохи романтизма), становится ее ученицей и следует за ней в Гейдельберг с целью продолжать обучение под ее руководством. Время от времени Надин берет уроки и у Иоганнеса Брамса.

Впервые она приезжает в Италию в 1864 году — во Флоренцию, к своей тетке Вере Четвертинской и двоюродным братьям Борису и Сергею. Она бывает в основном в домах русских аристократов, живущих во Флоренции или находящихся там проездом — в особенности, Надин сближается с семьями Демидовых, Александрины Толстой и графа Николая Строганова. Шаховская с увлечением изучает историю итальянского искусства.

Во время своего второго приезда в Италию, год спустя, она посещает Рим, который вскоре станет ее окончательным домом. Сначала Надин вращается, как и прежде, в среде высшей аристократии, как русской, так и итальянской, но вскоре ее кругозор заметно расширился, главным образом, благодаря встрече с Францем Листом. «Тогда Рим был, еще более, чем теперь, музыкальной пустыней», — пишет Надежда Шаховская в своих «Зарисовках». Длительные визиты Франца Листа в Рим в те годы — это луч света для затхлой и провинциальной атмосферы культурной жизни папского Рима, еще не ставшего столицей Королевства Италии (коей он станет в 1871 г.).

Надин знакомится с Листом в доме графини Александрины Бобринской, а потом неоднократно встречается с ним у поэта и драматурга Алексея Константиновича Толстого и его жены Софьи Бахметевой, которые тоже приезжают в Рим в середине 1860-х годов и поселяются во дворце Кампанари, неподалеку от форума Траяна. Дворец Кампанари становится одним из главных мест встреч для блистательного интернационального римского общества. Там бывают Фердинанд Грегоровиус (знаменитый немецкий историк, изучавший средневековый Рим), немецкий философ Куно Фишер, князь Григорий Гагарин (вице-президент петербургской Академии художеств), знаменитый историк итальянской литературы Франческо де Санктис, художники Михаил Боткин, Сергей Постников, Софья Сухово-Кобылина (давнишняя приятельница матери Надин), германский посол Курд фон Шлёцер, художник Эрнест Эбер — директор Французской академии на вилле Медичи. «Лист, однако, был самым желанным гостем», — и действительно, венгерский музыкант был старым знакомым четы Толстых и часто у них выступал. Услышав игру Надин, он приглашает ее войти в тесный круг его учеников, среди которых были не только итальянцы. Описания уроков у мэтра — в числе интереснейших страниц «Зарисовок». Один из лучших учеников Листа — Джованни Сгамбати, который впоследствии станет заметным композитором и пианистом, — всегда будет поддерживать связь с Надин. Она и сама часто давала домашние концерты — сначала с Листом, а после его смерти со Сгамбати, — а также выступала в публичных концертных залах исключительно в благотворительных целях. Памятным стал, например, концерт на великолепной вилле д'Эсте в Тиволи 30 декабря 1879 г., устроенный в целях благотворительной помощи населению города.

В этой среде Надин знакомится с молодым немецким археологом Вольфгангом Хельбигом (1839–1915), студентом-стипендиатом Германского археологического института. Несмотря на возражения матери, настроенной против этого «мезальянса», она выходит за него замуж в 1866 г. в Москве. Сразу после этого молодожены возвращаются в Рим, где Вольфганг впоследствии возглавил археологический институт. В Риме они проведут всю жизнь.

Сначала Хельбиги жили более двадцати лет во дворце Каффарелли на Капитолии, потом на вилле Ланте на Яникуле, в великолепном здании XVI века, построенном по проекту художника и архи-

тектора Джулио Романо, которое возвышается над всем городом. В обоих домах они держали литературный, научный, но главным образом музыкальный салон, который десятилетиями являлся уголком космополитизма в тогда еще провинциальной Италии, истинным «европейским перекрестком». Кроме Листа (а к этому времени отношения учителя и ученицы переросли в теплую дружбу, о чем свидетельствует их содержательная переписка), завсегдатаями салона Хельбигов были в разное время Рихард Вагнер и Эдвард Григ, Антон Рубинштейн и Джозуэ Кардуччи, Теодор Моммзен и Габриеле д'Аннунцио, а позднее — Ромен Роллан, Райнер Мария Рильке и многие другие. Престиж салона и пестрый интернациональный круг гостей, а также интеллектуальные достоинства хозяев (Вольфганг Хельбиг со временем стал заметным археологом и коллекционером антиквариата, а Надин — помимо связей с римским патрициатом и международной аристократией — завоевала немалую славу пианиста) сделали салон Хельбигов — наряду с салоном князей Каэтани — одним из главных мест средоточия культурной жизни Рима. Вместе с Эрсилией Каэтани, аристократкой, прославившейся своей красотой и поразительной эрудицией в области Древнего мира, Хельбиги создают группу страстных ревнителей археологии, которая устраивает экскурсии к многочисленным неисследованным достопримечательностям Лацио.

Когда Рим становится столицей и в нем начинается парламентская жизнь, меняется также и салон — из почти исключительно дворянской гостиной он превращается в место зарождения новой политической элиты. Салон Хельбигов подстраивается в этом смысле под эволюцию, происходящую в римском обществе. Так, известно, что среди гостей салона в 70-е и 80-е годы XIX века были также различные политики, в том числе министр (впоследствии председатель совета министров) Марко Мингетти, с чьей женой Лорой Актон, образованной и блестящей англичанкой, Надин связывала близкая дружба.

Надежда Шаховская также оставила заметный след в области благотворительности. Филантропическая деятельность вообще была типична для определенных кругов высшей русской аристократии (вспомним благотворительность Демидова во Флоренции, Волконской в Риме; мать той же Надин положила все свои силы на милосердие, превратив, в том числе, свой московский дом в больни-

цу). В меньшей степени, но все же это было распространено и среди итальянской аристократии, по преимуществу среди женщин.

Но к концу века меняется и филантропия, как и многие другие явления общественной жизни. Из способа выражения человеколюбия она превращается в проявление действенного внимания к духовным и общественным запросам низших слоев населения.

Надин Хельбиг участвует в этом движении в рамках деятельности «Союза добра», организации, взявшей за образец французский «Союз морального действия», основанный незадолго до этого писателем Полем Дежарденом. Это был кружок, в котором велись пылкие обсуждения, основанные на интересе к важнейшим общественным темам и стремлении к этическому обновлению, связанному с межконфессиональностью. Участниками были католики, иудеи, протестанты, православные и атеисты. «Союз добра» был основан в 1894 г. в Риме двумя итальянскими интеллектуалками — пионерами эмансипации Дорой Мелегари и Антоньеттой Джакомелли. Наряду с такими заметными фигурами итальянской культуры, как Анджемо де Губернатис, индологом и санскритологом (который в Неаполе был членом кружка Бакунина и женился на его двоюродной сестре Софье Безобразовой), поэтами Доменико Ньюли и Джулио Сальвадори, в «Союз» входило значительное число женщин. Тут присутствует такая харизматическая фигура, как Мальвида фон Мейзенбург — эта немецкая аристократка и интеллектуалка дружила с Мадзини, Герценом, Ницше и последнюю часть жизни провела как раз в Риме (известно, что фон Мейзенбург была близка также с Надин Хельбиг и Эрсилией Каэтани). Среди членов «Союза добра» мы находим также американскую миллиардершу Элис Холгартен (которая, руководствуясь своей личной пауперистской философией, жила на 50 центов в день), а также множество других любопытнейших персонажей — например, Ольгу Лурканову (о ней пока известно мало, пожалуй, лишь то, что она вышла замуж за итальянского генерала Д'Аванцо и была автором первых переводов В.С. Соловьева на итальянский язык).

В рядах «Союза добра» г-жа Хельбиг представляла «толстовскую составляющую». Она хорошо знала образ мыслей Толстого, в том числе благодаря своему длительному пребыванию с дочерью летом 1887 г. в Ясной Поляне, с Толстыми ее познакомил князь Семен Семенович Абамелек-Лазарев. Творчество Толстого — моралиста и

общественного реформатора, а не только автора художественных произведений — в Италии конца века духовно питало круги, чья деятельность была связана с религиозным обновлением. Надин Хельбиг, судя по всему, сыграла не последнюю роль в распространении толстовства. Эту роль непросто реконструировать, поскольку мы не располагаем ее сочинениями об этом, хотя что-то можно почерпнуть из ряда косвенных свидетельств.

Общественная деятельность «Союза» распространялась на широкий спектр вопросов: здоровье и гигиена, образование и воспитание, помощь заключенным, борьба с пьянством и проституцией. Во многом она совпадала с деятельностью рабочих организаций взаимопомощи умеренного характера, исповедовавших, начиная с 1861 г., либерально-католические или откровенно светские ценности.

Надин Хельбиг участвует в деятельности «Союза», в основном, добровольно работая медсестрой. Затем, вместе княгиней ди Веноза, она основывает свою собственную организацию, названную «Поддержка и труд» (*Soccorso e lavoro*). «Работали мы усердно, но признаюсь, у нас было слишком много женщин», — пишет она в «Зарисовках». Она планирует открыть поликлинику совместно со знаменитым шведским врачом Акселем Мунте, ее хорошим другом, но плану не суждено было осуществиться. Вместо этого в начале двадцатого века, на деньги, специально для этого выделенные ей матерью, она открывает амбулаторию для бедных детей на улице Морозини в Трастевере, тогда одном из самых нищих кварталов Рима. Амбулатория станет для г-жи Хельбиг истинным смыслом жизни: она будет ходить туда ежедневно на протяжении более двадцати лет, нанимать лучших врачей Рима и лично заниматься финансированием. Для сбора средств она устраивала благотворительные вечера у себя дома, как уже было сказано, давала фортепианные концерты и продавала акварели с видами Рима. Ее внушительную фигуру (в старости из-за нарушения обмена веществ она весила 200 кг), всегда облаченную во что-то вроде темной рясы, безошибочно узнавали горожане, называвшие ее «Синьора Мадама ди Трастевере». На улицах и в окружавшей тогда Трастевере сельской местности ее видели в сопровождении высокой и заметно более молодой женщины. Это была принцесса Елена Черногорская, с которой Надин познакомилась во время путешествия в Петербург, где та воспитывалась при русском дворе. Выйдя замуж за короля Италии Виктора Эммануи-

ла III и приехав в Рим в 1896 году, она восстановила связь с княжной Шаховской, чье огромное человеколюбие и преданность благотворительности были созвучны ее характеру и мировоззрению.

Я уже упоминала о некоем сходстве между Зинаидой Волконской и Надеждой Шаховской. Об этом сходстве свидетельствуют высокий дворянский ранг обеих, их художественные наклонности, человеческие качества, одухотворенность, а также то, что обе выбрали Рим в качестве места проживания. Но, хотя Волконская более знаменита, чем Шаховская, тем не менее, роль, которую последняя играла в общественной жизни Рима более полувека, все-таки явно значительнее. Надин Хельбиг была главным действующим лицом космополитической тенденции, которая в последнюю четверть XIX века явилась освежающим дуновением для удушливой культурной атмосферы тогдашнего папского Рима. Значимость ее музыкального салона состоит не только в том, что там бывали и выступали знаменитейшие композиторы того времени, но и в том, что он был также открыт многим местным молодым дарованиям, которые окунались в этом доме в плодотворную атмосферу современной музыкальной жизни. Так русская аристократка явилась своего рода «крестной матерью» музыкального подъема в итальянской столице.

Не менее значима ее благотворительная деятельность, которой она в наибольшей мере посвятила себя в последние тридцать лет своей жизни. Надин Хельбиг воплотила собой новый дух филантропии, пришедший на смену «милосердию» как таковому и отличавшийся стремлением дать людям неимущим возможность для культурного роста. На рубеже веков в Италии возникла целая плеяда женщин-учредительниц различных организаций, но Хельбиг на их фоне не являла собой некую эмансипированную их разновидность, а скорее воплощала одну из моделей «мирской святости», как, например, и другая жившая в Италии русская, Александрина Равицца (1846–1915), которая стала ключевой фигурой в филантропической деятельности Милана в тот же период, когда Хельбиг была таковой в Риме.

И это подводит нас к обширной теме, которая сама по себе достойна отдельного исследования: русские женщины в Италии. Но это уже — вопрос для дальнейших изысканий.